

ЛЕО ШУЛЬМАН
МЕЛКИЙ ЛАВОЧНИК
роман-биография

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лео Шульман

**Мелкий лавочник, или
Что нам стоит дом
построить. Роман-биография**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шульман Л.

Мелкий лавочник, или Что нам стоит дом построить. Роман-биография / Л. Шульман — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11727-3

Книга о том как и кто становится мелким лавочником. О его веселом жизненном пути полном взлетов, падений и других приключений на фоне истории нашей страны. Опыт оптимистических с ироническим оттенком описаний часто не оптимистических событий. Книга о жизни которая всегда в радость. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-11727-3

© Шульман Л., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1	5
Глава 1.1. Загадочное предсказание	5
Глава 1.2. Сын пытается уговорить Хорошочкина купить загородный дом	10
Глава 1.3. Чтобы построить три квартиры в большом и красивом городе, юный Вилен Хорошочкин едет поступать в институт в этом городе и в него поступает	12
Глава 1.4. Чтобы построить три квартиры в большом и красивом городе, Хорошочкин работает студентом и начинает временно жить в этом городе	24
Глава 1.5. Вилен женится и становится постоянным жителем большого и красивого города. Мираж обманного счастья семейной жизни	29
Глава 1.6. Чтобы купить три квартиры в большом и красивом городе, Вилен Хорошочкин хорошо учится в институте	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лев Школьников

Мелкий лавочник

(или что нам стоит дом построить)

Роман-биография

– Вилен, чем ты занимаешься, на что живешь?

– Ну, у меня контейнер на рынке, ларек возле метро...

– Все понятно – мелкий лавочник...

Из разговора сорокалетнего предпринимателя Вилена с полковником в отставке дядей Минаем

Часть 1

Глава 1.1. Загадочное предсказание

Чета Хорошочкиных медленно накручивала овалы пешего променада по периметру небольшого парка культуры и отдыха имени революционера-боевика Дедушкина. Быстро накручивать овалы не получалось. Третью неделю в большом и красивом городе стояла невиданная, невыносимая в этих местах жара. Кружочек, в спидометре машины, на которой Хорошочкины прибыли в парк, уже третий день рисовал веселые и кудрявые, как маленький Ленин в октябрятской звездочке, цифры + 32 и не поддавался никаким уговорам гидрометцентра.

Пахло узбекским пловом. Плов рекламировали узбекские канатоходцы. На высоте самых высоких деревьев они бегали по канату покачивая шестом и делая кульбиты от вида которых перехватывало дух. Казалось, вот-вот один из них грохнется в казан с пловом, а шест как копьё пронзит кого ни будь из четы. Но так казалось только Хорошочкину. Остальная публика ела плов с удовольствием.

Было воскресенье, и измученные жарой горожане спасались от нее кто как мог. Те, кому хватило места, располагались на берегах рек, озер, мелкого неподвижного залива и в загородных домах с бассейнами. Не поместившиеся довольствовались городскими парками. И судя по количеству людей в парке не поместившихся было много.

Хорошочкины были одни из них. У четы не было ни загородного дома, ни бассейна в нем, ни желания расталкивать отдыхающих у загородных водоемов.

По всем расчетам, загородный дом без бассейна должен был появиться через год. А пока они пытались спастись от жары в парке.

От одной тени к другой через участки, опаленные солнцем, перебежали одинокие тонконогие девушки, быстроногие юноши, чинно пересекали места без тени пожилые супружеские пары и в их числе Хорошочкины, мамы с колясками, детьми и супругами. Малыши, вынутые из колясок, улыбаясь и весело размахивая ручками, пытались догнать Хорошочкиных, а оставшиеся в колясках обидались, что их не вынули и громко кричали.

– Не хотите орешков? – спросила встретившаяся Хорошочкиным приветливая женщина в красной кепке-бейсболке и фартуке, с висющим на животе холщовым мешочком с иностранной надписью и большой хозяйственной сумкой в руках.

– Ой, нет спасибо, – испуганно отмахнулась супруга Хорошокина, вспомнив про недавно отремонтированные зубы.

Впереди показалась длинная скамейка с сидящей на ней толстозадой девушкой, говорящей по телефону.

– Наконец, скамейка в тени, давай присядем, – сказал Хорошокин.

– Давай, – неожиданно согласилась супруга.

Неожиданно, потому что супруга Хорошокина моментально начинала ненавидеть каждого, кто рядом с ней курил, выгуливал собак или болтал по телефону.

Хорошокины были молодые пенсионеры-одногодки, вступившие в брак в студенческом возрасте. И несмотря на это, выстоявшие и добравшиеся до возраста, когда уже не до взаимных боевых претензий и других мелочей, мешающих консенсусу.

До вступления в брак будущая жена Хорошокина носила фамилию Плохишкина и с детства мечтала от нее избавиться. Поэтому фамилию мужа с абсолютно противоположным обнадеживающим значением она взяла с большим удовольствием и мужа поначалу тоже.

К сожалению, некоторым пилотным читателям этого очень приближенного к реальности повествования фамилия главного героя показалась странной и неудобной в произношении. Ну просто какая-то Нетудыхатка, и, вообще, как будто абрикос во рту катается – ни разжевать, ни выплюнуть. Они даже стали предлагать свои варианты. Некоторые докатились до Хорошишкина и Хорошашкина.

Так и слышится: Хорошашкин, давай сыграем в шашки; Хорошишкин, брось в медведя шишку. Но что поделаешь, если фамилия главному герою досталась от дедушки. И сначала она вообще была ХорошOVER. Но когда 19-летний дедушка попал в продотряд пулеметчиком и стал отнимать хлеб у крестьян и отправлять его пролетариату, он быстро понял, что с такой фамилией ему не жить, и стал Хорошидисом. Евреев из продотряда убивали сразу, причем часто в изощренной форме, а греков считали подневольными и просто избивали до полусмерти. Так как дед был тоже подневольным, а становиться сразу русским с его цвета вороного крыла вьющимися волосами, вороньим же носом горбинкой и цвета вороньего же крыла глазами было странно, он и стал греком.

Но пришли времена, когда советская власть принялась и за греков, и дед, взявшийся к этому времени управлять некоторой частью ее хозяйства, понял, что надо становиться русским. Советские хозяйственники были в знакомстве со всеми. Иначе какие же они хозяйственники. И паспортистке гражданке Фейгиной была написана записка с фамилией Хорошикин. Но то ли фамилия была написана неразборчиво, то ли гражданка Фейгина еще не совсем выучилась писать по-русски, но в паспорте оказалась фамилия Хорошокин.

Дедушке, как и пилотным читателям, эта фамилия тоже не понравилась, и он уже собирался бежать в загс. Но бабушка его остановила. Бабушка помнила шикарное трехсотлетие дома Романовых и какой шок случился, когда дома не стало.

– Брось, Боря, – сказала бабушка Сима, – были ХорошOVERы, будем Хорошокины – хорошая фамилия, шик, шок, не все ли равно, главное, на русскую похожа.

В общем, бабушка дедушку уговорила, и ты, читатель, соглашайся.

* * *

Но продолжим.

Выходила Тоня Плохишкина замуж невысокой, хорошенькой, пухленькой девушкой, и, если не считать исчезновения пухлости, такой же в свои 62 года она и осталась. Неудобства небольшого роста она превратила в преимущества, и Хорошокину с его средним ростом и грустной сутулой статью постоянно приходилось выполнять несложные обязанности по открытию форточек, снятию товаров с высоких магазинных полок и забрасыванию вещей на антре-

соли. Делал он это с большим удовольствием. Ну как было не порадовать бабушке четырех внуков, изображающей девочку.

* * *

Толстозадой девушке соседство с четой Хорошокиных не понравилось, она вскочила со скамейки и, продолжая с легким матерком кого-то уговаривать прийти в парк, удалилась в сторону общественного туалета.

К дубу, создававшему тень над скамейкой, подошла подвыпившая женщина, прислонилась к нему и закурила.

– О! Тебя только здесь не хватало, – прошипела Хорошокина.

То ли подействовало шипение Хорошокиной, то ли дуб сильно качался, но женщина отлепилась от дуба и в надежде найти твердую опору, покачиваясь, двинулась к каруселям.

И тут к скамейке приблизилась непохожая на других женщина, торгующая орехами.

– Фу-у, – сказала она, – еще один овал одолела. Вы не будете возражать, если я покурю здесь на краешке?

– Лучше бы не надо, – испуганно сказал Хорошокин.

– Курите, курите, ветер дует от нас, – неожиданно сказала жена.

Хотя воздух был недвижим и ни один листик на дубе над скамейкой не шелохнулся, повеяло необычным.

– Где она нашла ветер? Наверное, это от жары? – подумал Хорошокин, и над головой продавщицы орехов засиял нимб.

Отношения с городскими ветрами у жены Хорошокина Тони были сложными. В прогнозе погоды для нее было главным направление и скорость ветра. На втором месте стояла величина атмосферного давления.

– Опять врут, ну не может быть потепления при северо-западном ветре, да еще 6 метров в секунду, да еще при падающем давлении, – спорила она с Гидрометцентром.

– Ну я же говорила, – восклицала она, когда вечером чета Хорошокиных выходила гулять, чтобы побороться с тихо подкрадывающейся старостью, – ветер-то северо-восточный.

Как она определяла в самом логове новостроек стороны света и направление ветров, дующих в большом и красивом городе сразу во все стороны, для Хорошокина так и осталось загадкой.

– Ой, спасибо, – сказала женщина в нимбе, положила холщовый мешок с иностранной надписью и большую сумку на скамейку, а сама отошла на противоположную сторону аллеи и закурила.

Мешок и сумка были набиты орехами: сумка – доверху, а мешок – наполовину. Орехи были какие-то необычные: очень большие, одинаковые и завернуты в золотую фольгу.

– А что это у вас за необычные грецкие орехи? – спросил Хорошокин закончившую перекур продавщицу. – Такие большие, одинаковые и в золотую фольгу завернуты.

– Так это орехи счастья, – нимб над головой продавщицы засверкал.

– Как счастья? – не понял Хорошокин.

– 50 рублей не деньги. Загадываете желание, покупаете орех, и все сбывается. Еще ни разу не было, чтоб не сбывалось. Это же орехи не простые, а лучший китайский сорт, привезенный прямо из Китая.

Нимб погас.

– Ничего не понимаю, – сказал Хорошокин. – А счастье-то где?

– В орехе, там лежит бумажка, а на ней все написано.

– А как я ее достану?

– Как-как, – не выдержала жена привычную хорошокинскую тупость, – расколешь орех и достанешь.

– А как я его расколю?

– Да я его расколю, каблуком, тебе дать 50 рублей?

Хорошокин достал 100 рублей.

– Что б за год набрать денег на этот чертов загородный дом, – загадал он желание, получил сдачу, три раза перекрутил в холщовом мешке орехи, взял самый нижний и отдал его и сдачу супруге. Супруга положила деньги в сумку, орех – под каблук австрийской босоножки на платформе, купленной в прошлом году в Вене, и, как Григорий Мелехов одним ударом шашки раскалывавший австро-венгерские черепа, одним ударом австрийского каблука развалила орех на две половинки. Внутри лежала аккуратно свернутая розовая как австро-венгерские мозги бумажка.

Хорошокин достал ее, развернул и стал читать напечатанное мелким шрифтом.

– Вы видите окружающий мир будто бы сквозь пелену. Расслабьтесь. Скоро она спадет, и в ваших делах наступит ясность. Не принимайте скоропалительных решений, ибо ваши нервы расшатаны.

– Расшатаются тут с этим домом, – подумал Хорошокин.

– Если хотите добиться успеха, прислушайтесь к советам начальства, скоро все изменится к лучшему.

«Вроде пока все правильно, – подумал Хорошокин, – кроме советов начальства». Хорошокин уже давно сам был начальством.

«Разве что считать начальством супругу».

Дальше тоже все было правильно.

– Уделяйте побольше времени общению с детьми. Новые перспективы и новые планы уже возникают, но вот новой любви пока не предвидится.

– Слава богу, еще только новой любви мне не хватало – резанула Хорошокина.

– Сконцентрируйтесь на каком-нибудь одном желании и не растрчивайте силы на все понемножку.

«Уже сконцентрировался, черт бы побрал этот дом», – подумал Хорошокин.

– Давай порву, – сказала жена.

– Разве эти бумажки рвут? – спросил впечатленный Хорошокин.

– Да они там все одинаковые, – сказала Хорошокина.

Они встали со скамейки, чтобы сделать еще один круг и вскоре догнали продавщицу счастья.

– Ну что, сходится? – спросила она.

– Вроде бы сходится, – ответил Хорошокин. – У вас там, наверное, все бумажки одинаковые?

– Да вы что! – обиделась продавщица. – 10000 вариантов. Все покупатели довольны. Я их потом в парке встречаю. Все благодарят. Удачи вам, ребята.

В Хорошокине расплылось чувство благодарности:

– Спасибо, что назвали ребятами, – поблагодарил Хорошокин.

– Ну а кто мы, мне тоже уже 47, и ничего, все еще ребячусь – сказала приятная продавщица и как-то завлекающе посмотрела на Хорошокина.

– Приходите к нам в парк, – добавила она, и Хорошокину показалось, что продавщица подмигнула.

– Это из-за тебя нас приняли за 45-летних, – похвалил Хорошокин жену.

Благодаря девичьему виду ровесницы-жены пенсионера Хорошокина часто принимали за подлеца, променявшего старушку жену, на молодую хищницу.

– А записку я сохраню, посмотрим, что будет, – задумчиво сказал Хорошокин.

Буквально с понедельника предсказания стали сбываться прямо по списку. Первой, постепенно, исчезла пелена. Исчезла она благодаря лекарствам, выписанным доктором, к которому Хорошокин ходил в понедельник. Потом Хорошокин прислушался к совету учредителей, принявшим решение об открытии новой точки роста прибыли, которая могла оказаться и точкой роста убыли. Но совет учредителей был опытным и верил в лучшее. И хотя это решение явно отдаляло строительство дома, он решил твердо следовать указаниям записки, сконцентрировался на этом одном желании жены и сына и перестал растрачивать силы и деньги на все, кроме будущего дома.

– Ну а как же, – думал он, – раз все так быстро сбылось, то, может, и с домиком получится. И будет нам купленное счастье.

Глава 1.2. Сын пытается уговорить Хорошокина купить загородный дом

Покупку загородного дома придумал сын Хорошочкиных Коля.

Коля родился в городе, ходил в садик в городе, ходил в школу в городе, а потом окончил в городе институт и поступил на городскую работу. Когда у него возникло непреодолимое желание жить за городом, Хорошочкины не знали. Но предполагали, что тогда, когда у них оказалось три городских квартиры.

– Ты посадил за свою жизнь хоть одно дерево? – спрашивал Хорошочкина-старшего сын Коля.

– Да я их десятками сажал в школе.

– В школе не считается, считается на своем участке.

– Ну ладно, сына ты вырастил, а дом построил?

– А три квартиры? – парировал Хорошочкин-старший.

– Не считается, – отвечал сын. – Считается на своем загородном участке, продавай квартиру, покупай дом.

«Ничего себе не считается, – обижался про себя Хорошочкин, – интересно чего он настроит, когда вырастет».

– А ты где жить будешь, когда дети пойдут? – спрашивал Хорошочкин.

– В загородном доме вместе с вами, – отвечал сын Коля.

В отличие от сына Коли его родители Вилен Ильич и Антонина Николаевна все детство и юность вплоть до поступления в институт провели в деревне и возвращаться туда не собирались. Юная деревенская жизнь когда-то нравилась Хорошочкину. Но возвращаться в пенсионном возрасте к туалету на улице, помойному ведру за занавеской на кухне, газовым баллонам, печам, требующим ежедневных растопок, и еженедельным сидениям в банных очередях не хотелось.

– Ты что вспомнил, батя, – смеялся сын, – сейчас цивилизация. За городом все, как в городе.

– Ну не все, – догадывался Хорошочкин, но, конечно, он понимал, что деревня теперь не та.

Сын Коля был упрям, и однажды обычным темным зимним вечером зазвонил мобильный Хорошочкина, и на нем высветились позывные сына.

Вечер сразу стал необычным. Это было событие. Сын вспомнил про родителей.

Обычно Хорошочкины, не выдержав молчания отдельно живущего сына, сами начинали ему названивать.

– Ты, наконец, позвонишь своему сыну! – говорила Хорошочкина.

– Обойдется, пусть сам хоть раз позвонит, – злился Хорошочкин.

– Ну-ну, – говорила Хорошочкина.

Она знала, что будет дальше.

Дальше, несмотря на работающий телевизор, голову Хорошочкина начинала грызть зловеющая тишина.

А когда начинала греметь реклама, вибрации тишины становились невыносимы.

– Ладно, – говорил Хорошочкин. Ему тоже очень хотелось услышать голос сына Коли.

Чаще всего Хорошочкин слышал в трубке сонный или недовольный голос, иногда сын что-то жевал, и тогда речь его была замедлена и невнятна. Хуже было, когда трубка не отвечала.

– Не отвечает? – спрашивала Хорошочкина.

– Спит, наверное, – с дрожью в груди пытался успокоить ее Хорошочкин.

– А может, в кино и не слышит, – пыталась Хорошочкина успокоить его.

Хорошокины почему-то считали, что с ними никогда ничего не случится, а вот с их ребенком!

В конце концов сын перезванивал, и дрожь в груди Хорошочкина медленно затихала, но еще долго ее отголоски будоражили Хорошочкина.

* * *

– Завтра едем смотреть загородный дом, с нами поедет Инна, – сказал сын.

Хорошокины знали, что у сына появилась девушка Инна. Решение сына познакомить с ней родителей было хорошим знаком. Сын Хорошочкиных Коля к любому делу подходил ответственно. Это было фамильной чертой семьи Хорошочкиных, их родителей, их бабушек и дедушек и, может быть, даже их прадедушек и прабабушек. Значит, девушка ему нравилась. Желание познакомиться с девушкой сына победило нежелание рассматривать загородные дома, и на следующий день Хорошочкины заехали за сыном. Вместе с ним к машине подошла правильно одетая для загородной прогулки симпатичная девушка.

Инна приехала из Вологды, окончила университет культуры по специальности «туризм и его маркетинг» и собиралась уговорить всех россиян посетить Вологду и другие курорты Русского Севера. А вот понравиться родителям Хорошочкиным она совсем не собиралась. То есть, конечно, собиралась, но цели такой у нее не было. И поэтому она сразу понравилась Хорошочкиным.

– Ну что, поехали, здесь недалеко, – сказал сын.

И вскоре машина выехала на загородную трассу, потом свернула на проселочную асфальтированную дорогу и оказалась в лесу. Через 5 минут лесная дорога уперлась в ворота. Вышел охранник, сын ему что-то сказал, шлагбаум открылся, Хорошочкин въехал в неведомую ему доселе жизнь и остановил машину у административного домика. Неведомая Хорошочкину жизнь называлась коттеджный поселок «Новый Вавилон».

Стоял удивительный зимний день. Снег вокруг был белее снега, небо было яснее и голубее самого ясного и голубого неба, легкий морозец нежно покусывал щеки, поглаживал нос и подергивал за уши. Со всех сторон на поселок надвигался сосновый лес, и хвойные миазмы заставляли трепетать ноздри Хорошочкина.

– Менеджер задерживается, – сказал сын, – пойдемте погуляем.

И чета Хорошочкиных с сыном и его девушкой Инной двинулась по расчищенной дороге в глубь поселка. Дорога вела в сторону леса. От соснового морозного воздуха Хорошочкин начал хмелеть. Вдоль дороги стояли те самые загородные дома, в которых сын Коля предлагал поселиться Хорошочкиным. В этот день Хорошочкиным нравилось все. Дома им тоже понравились. И хотя в них уже жили люди, Хорошочкин понял, что это не проблема. Всегда найдется пустой дом или пустой участок, были бы желание и деньги. Желание стало возникать, а вот деньги просто так возникнуть не могли.

Приехал менеджер и стал показывать участки и дома, которые можно было купить. Осталось только выбрать и купить.

– Ну что понравилось? – спросил сын на обратном пути.

– Очень, – ответили Хорошочкины.

– А тебе, Инна, понравилось? – спросил Хорошочкин.

– Очень, – ответила немногословная Инна. Инна, как большинство северян, оказалась немногословной и даже молчаливой, что тоже очень понравилось Хорошочкиной.

– Вот и продавайте трешку, – сказал сын.

«Трешка» была вторая квартира, построенная Хорошочкиным. Первую квартиру Хорошочкин построил с помощью государства и тестя.

Глава 1.3. Чтобы построить три квартиры в большом и красивом городе, юный Вилен Хорошокин едет поступать в институт в этом городе и в него поступает

После поездки за город Хорошокин завез домой сына с его девушкой, сын жил в первой построенной им квартире, и поехал к себе домой – в третью построенную им квартиру.

Дома он переоделся в свои любимые домашние штаны в шотландскую полоску, в свою любимую фиолетовую футболку и, одурманенный загородным морозным лесным воздухом и любимой диванной силой, лег на свой коричневый кожаный диван и заснул. Но перед тем как заснуть, подумал: «На хрена мне этот загородный дом, мне и так хорошо».

– Итоги XVIII века решил подвести Наполеон, когда в 1812 году захватил всю Европу и напал на Россию. Итоги пришлось подводить России. Итоги XIX века в 1914 году захотела подвести Германия и объявила войну России. Итоги пришлось подводить СССР и США. В 2014 году итоги XX века решили подвести США и подружились с Украиной, в результате...

– Не надо подводить никаких итогов, а то я загородный домик построить не успею, – закричал Хорошокин и проснулся.

– Сколько можно спать? – услышал он жену Антонину.

– Подведем итоги недели. Российская Китайская народная республика, – услышал он включенный женой телевизор.

– Что за хрень, – испугался Хорошокин.

Было воскресенье, восемь часов вечера, по «России» начиналась любимая итоговая программа жены.

– Россия и Китайская Народная Республика заключили договор.

– Это другое дело, – успокоился Хорошокин и проснулся окончательно.

«Итоги, итоги, – скакало в голове Хорошокина, – а у меня какие итоги: жена – россиянка-патриотка, дочь – американка, внуки – американцы, мать – израильтянка, сын – оппозиционер-строитель, борец с разрешительной системой. Ах да, я же три квартиры построил, – вспомнил Хорошокин. – Ну построил, только чего мне это стоило».

Когда-то Хорошокин еще не был Хорошокиным, а был Вилей, жил с родителями в украинском районном центре средних размеров и ходил в русскую школу. И было таких райцентров на Украине видимо-невидимо. И в каждом из них стоял памятник танку, первым на плечах немцев ворвавшимся в райцентр, был парк с танцплощадкой имени великого поэта Украины, улица имени Великого поэта всей Украины и одноименный памятник.

Но райцентр, в котором жил Вилен был особенным. Потому что там жил он, его младшая сестра, мама и папа, и была дамба. И перегораживала дамба великое Кременчугское море. И стояло на ней село Панское. И было в этом селе три дома и железнодорожный разъезд. И разъезжались на разъезде поезда Москва – Одесса и Одесса – Москва. Один шел в Москву, другой в – Одессу, и наоборот. И все они на пять минут останавливались на станции Серебрянск-1, а на станции Серебрянск-2 уже не останавливались. А Серебрянск и был тот самый райцентр, в котором жил юный Вилен. В Москве благодаря поездам Вилен побывал, а в Одессе почему-то нет.

В Одессе он побывал благодаря пароходнику, протащившему Вилену с мамой через огромное Кременчугское море и другие днепровские моря аж до самого города Херсона и курорта Голая Пристань, славившегося лечебными грязями, жарой, виноградниками и херсонскими арбузами. Оттуда они и подскочили в Одессу, на выходные, на корабле на воздушных крыльях. Увидели море, город, артиста Водяного, искупались в Аркадии, переночевали у друзей на какой-то станции Фонтана и вернулись на поезде Одесса – Москва в родной Серебрянск.

Если переехать через дамбу и мост, под которым вольно и плавно несутся воды Кременчугского моря, то попадешь в город Черкассы, в котором есть речвокзал, а оттуда до Киева рукой подать на воздушных крыльях. Так и жил Вилен в этой своей галактике с центром в лучшем райцентре Земли – Серебрянске. И учиться в институте собирался в ее пределах.

Но отправили их на летних каникулах после 8-го класса на экскурсию в другую галактику, в большой и, как оказалось, очень красивый и необыкновенный город. Таких городов Виля еще не видел. Ни местного значения стольный град Киев, ни самый главный стольный град Москва, ни даже веселая, бирюзовая, вся в солнечных зайчиках Одесса не были на него похожи. И вообще, ничего похожего Вилен до сих пор в пределах своей галактики не видел.

Поселили их в спортивном зале школы в новом районе, похожем на все новые районы больших городов, которые уже видел Виля.

Утром их на автобусе отвезли в музей с картинами Репина, Сурикова и других сподвижников-передвижников. Поводили по нему, объяснили, как добраться до школы и объявили свободное время.

Вышел Вилен из музея и увидел площадь желтого цвета с зеленой серединой, а в самом центре зеленой середины – чей-то кудрявый памятник, стоящий к Вилену спиной, с голубями на кудрявой голове и откинутой в сторону рукой.

– Опять Ленин, – подумал Виля, хотя нет, Ленин в сюртучном возрасте кудри уже сбросил.

Пушкин что ли, ну точно, Пушкин, прочитал Виля название памятника.

Стихи читает, веселый такой: «Люблю тебя Петра творенье». А в Москве он какой-то грустный, понурый, стихотворение, наверное, не сочиняется.

– Москва, как много в этом звуке... А что дальше?

Дальше мимо большого дома с фигурами и живыми швейцарами в форменных фуражках и в швейцарской форме Вилен вышел на большую улицу и остолбенел, как остолбеневали до него миллионы человек и как после него будут опять остолбеневать миллионы.

Примерно в это же время молодой, впоследствии знаменитый режиссер Андрон Кончаловский приехал в Венецию побороться за «Золотого льва», вышел на площадь Святого Марка и... Остолбенел он или нет, неизвестно, но спросил: «У вас что, праздник?»

– Нет, – ответили ему, – у нас так всегда.

Вилен, выйдя на Главный проспект, а улица оказалась Главным проспектом, тоже попал в праздник и спрашивать ничего не стал. Советские праздники он знал наперечет. На Главном проспекте был праздник несоветский, и, как потом понял Вилен, на Главном проспекте он тоже был всегда. Это было единственное место в Советском Союзе, где незнакомые люди улыбались друг другу, не мешали друг другу и даже были друг другу рады.

А в тот веселый летний день не мог понять Вилен, почему он остолбенел и сейчас, через 50 лет, понять не может, почему, каждый раз на Главном проспекте его охватывает то же необъяснимое чувство удивления. Строили чудо и построили к приезду Вилену.

Посмотрел Вилен направо, увидел золотой шпиль, и вместе с веселой праздничной августовской толпой, пошел к нему по Главному проспекту, текущему мимо дворцов и соборов, магазинов книги, обуви, рыбы и мяса, мимо ресторанов и кафе-мороженых к знаменитой реке Нее, дошел до золотого шпиля с корабликом и не остановился, а пошел дальше вдоль знаменитой площади, перешел по мосту реку Нею прямо на знаменитый Кошкин остров, к большим красным колоннам и музею с уродами. Остановился, обозрел с его стрелки необозримую невиданную красоту и пошел обратно, мимо рек и каналов, памятников, скверов и театров, аж до самого вокзала, на который они вчера приехали. Развернулся и пошел к Пушкину.

– Ну ты, Пушкин, даешь, все точно описал, – согласился восхищенный увиденным Вилен с солнцем русской поэзии и бросился в метро, чтобы не опоздать на ужин.

Конечно, в следующие дни им показали мосты, повисшие над водами рек и каналов с гранитными берегами, сады и парки, и опять дворцы, дворцы, дворцы вдоль рек и каналов, вдоль благородно расчисленных парков и садов, вдоль улиц, прямых и негибаемых, как ряды гвардии на параде. Завели во дворец на знаменитой площади трех революций и показали малахитовую комнату, в которой министры временного правительства вздрогнули от выстрела «Авроры». Отвезли и поводили по пригородным дворцам и паркам с фонтанами и без фонтанов.

И дали достаточно свободного времени, чтобы съездить искупаться в теплом северном море. Побродить по огромным магазинам на Главном проспекте и понюхать запахи его ресторанов. Увидеть на знаменитой площади под колонной с ангелом девушку в мини-юбке из кумача и парня в джинсах.

От полученных впечатлений неокрепший мозг Вилен был в изумлении. И он решил, что такого количества красоты на один квадратный метр быть не может, что это мираж и все это ненастоящее и ему только кажется, потому что в СССР таких городов быть не может, и очень захотел остаться в этом городе-мираже навсегда.

Но экскурсия заканчивалась, и нужно было возвращаться в родной Серебрянск.

В Серебрянске мозг Вилен начал постепенно приходить в норму, а мираж рассеиваться, но сразу начинал принимать конкретные очертания, как, только придя из школы, Вилен врубал кассеты «Битлз» или «Роллинг стоунз», купленные у фарцовщика на галерее самого большого магазина Главного проспекта на все деньги, которые мама дала на всякий случай.

В этом мираже Виля в джинсах шел по Главному проспекту, и с ним рядом обязательно шла в мини-юбке из кумача его одноклассница, в которую он был влюблен без взаимности.

Если бы такой мираж реализовался в Серебрянске, возмущенные серебрянцы отвели Вилю с одноклассницей к памятнику танку, поставили к пьедесталу и побили их камнями. Впрочем, не надо наговаривать на серебрянцев. Они просто отвели бы Вилену с одноклассницей в юношескую комнату милиции. А там, узнав, что они из хороших семей, отдали бы их родителям на поруки.

– Опять рок-н-ролл-мюзик, – улыбалась мама.

– И опять мираж, – говорил Виля. – Я хочу опять попасть в этот город.

– Правильно, – говорила мама. – Чтобы избавиться от твоего миража, нужно в него попасть, и он сразу превратится в просто большой и необыкновенный город, а чтобы попасть в большой и необыкновенный город, надо хорошо учиться и поступить в институт в большом и необыкновенном городе, – добавила мама и отвела Вилю к лучшему репетитору райцентра.

Федор Григорьевич Копытенко протестировал Вилю и назначил испытательный срок. Испытательный срок Виля выдержал, и Копытенко обещал Вилену, что он поступит в институт в большом и необыкновенном городе, если будет делать все так, как ему будет говорить репетитор.

Мираж большого необыкновенного города начал приближаться.

– Кто тебя еще научит, не эта же твоя Тамара Михайловна. Она у меня по физике больше тройки не получала.

Федор Григорьевич давно был на пенсии и переучил всех нынешних преподавателей физики и математики всех шести школ райцентра.

«Как они в институт поступили? – удивлялся он. – Они же у меня больше тройки не получали. Был, правда, один смысленный – Каит Аркаша, тот у меня даже пятерки получал».

Федор Григорьевич, конечно, лукавил. Все-таки все эти троечники учились у него, и ставил он им, конечно, не только тройки. Выучил он и Вилену. За месяц до окончания школы Копытенко закрыл свой последний конспект, который Вилен, как и все остальные, успел выучить практически наизусть, выдал Вилену список примеров и задач, которые еще необходимо было решить, и сказал: «Ну все, ты поступишь, иди».

А за шесть месяцев до окончания школы на разведку в большой и необыкновенный город был направлен дядя Толя. Точнее, направил его туда областной пединститут, где дядя Толя служил деканом физкультурного факультета. И отправил не на разведку, а для обмена физкультурным опытом.

На разведку его отправила мама Вилен. Дядя Толя должен был заехать в три института, предварительно выбранные Вилей, и выбрать из них лучший. Дядя Толя с задачей справился и сказал, что нужно поступать в институт авиационного приборостроения. Потому что там самая лучшая спортивная кафедра и самый лучший спортзал. А еще он привез газету этого института, которая очень понравилась Виле.

На следующий день после выпускного, Виля с мамой сел в поезд Одесса – Москва. Поезд на вокзал имени столицы Украины Киева пришел в Москву утром, а поезд с вокзала имени большого необыкновенного города уходил из Москвы вечером, и они с мамой пошли бродить по Кремлю, улице Горького и Выставке достижений народного хозяйства. На Выставке достижений народного хозяйства мама накормила Вилю шашлыком. Шашлык был почти такой же вкусный, как мамина отбивная котлета.

– Привыкай, – сказала мама, – нескоро поешь маминых отбивных котлет.

На вокзал имени столицы нашей Родины Москвы большого необыкновенного города они прибыли ранним утром и пошли занимать очередь на такси. Когда их очередь подошла, таксист убедил их на такси не ехать.

– Здесь близко, – сказал он. – Видите, от вокзала идет Главный проспект, идите по нему по левой стороне, и четвертая улица налево и будет улица композитора Глюка. А так еще 10 копеек за посадку придется платить. Кто следующий? – закричал он.

Пришлось поверить и пойти пешком.

* * *

Аналогичный случай с Виленом произошел через много лет в городе Барселоне. Утомленная жарой и поисками музея великого художника Пикассо семья Хорошочкиных – папа, мама, сын и дочь – решила взять такси. И как много лет тому назад таксист тоже попытался убедить Хорошочкина такси не брать.

– Здесь рядом, всего два квартала, – сказал таксист.

– Хоть один, без вас мы никогда не найдем этот чертов музей.

– Но вы только за посадку заплатите десять долларов, – сказал таксист.

– Хоть двадцать, – сказал Хорошочкин, считавший себя богатым.

Стоял июль 1998 года.

– Садитесь, – сдался таксист.

Через три минуты такси остановилось, и таксист показал на прореху между двумя домами.

– Пикассо там, – сказал он.

Мимо этой прорехи семья Хорошочкиных проходила сегодня четыре раза. Хорошочкин заплатил по счетчику 20 долларов и через две минуты Хорошочкины стояли возле музея. В музее был выходной.

– Хоть на музее сэкономили, – сказала дочь. В семье она была самой экономной.

* * *

Стояло прекрасное солнечное утро, какое обычно бывает в большом необыкновенном городе после летнего утреннего дождя. Виля улыбался редким прохожим, редким автомобилям, красивым домам, мимо которых он тащил две сумки, набитые банками с вареньями и

соленьям. Виле было хорошо и легко. Впереди его ждало невообразимое, великое будущее, и сумки были легкими-легкими.

В отличие от музея Пикассо в доме по улице Глюка, 15–17 их ждали, и найти его большого труда не составило.

Дом почему-то назывался фамилией великого русского писателя и одной стороной выходил на улицу композитора Глюка, а другой – на реку Дворцовку, впадающую в великую необозримую реку Нею. И как узнал Вилен впоследствии, был не менее выдающимся, чем музей молодого Пикассо в солнечной Барселоне.

Не уступал он барселонскому музею ни в архитектуре, ни в гостях и постояльцах. Построил его в начале XX века знаменитый местный архитектор. И сразу и до наших дней в нем начали селиться великие поэты, великие писатели-юмористы, знаменитые артисты и академики и другие неординарные личности. В гости к знаменитостям приходили другие знаменитости, которых в Великом городе было много в любые времена. Теперь имена и фамилии обитателей дома и их гостей широко известны.

Вот в каком доме прожил Вилен долгий июльский месяц 1969 года. (Да, для заинтригованных перечислим фамилии: Рейн, Бродский, Распутин Григорий, Довлатов, Аверченко, Булгаков, Куприн, Шемякин – наверное, и этого неполного списка достаточно для одного дома, каким бы он ни был огромным).

Вот с какими великими личностями он тогда не встретился, потому что одни уже умерли, а других он раньше не видел и в лицо их не знал. Встретился в этом доме он с другой колоритной личностью. Но об этом позже.

Комната была на первом этаже, они с мамой оставили вещи и поехали в приемную комиссию подавать документы.

В приемной комиссии им выдали огромные анкеты на 10 листах в трех экземплярах, и, если бы не мама, юный Вилен вряд ли смог их заполнить. Откуда ему было знать, кто из его родственников был на оккупированной территории, а кто за границей и кем был его дедушка до 1917 года. Только про себя Вилен мог написать, что ни за границей, ни на оккупированной территории, ни в местах заключения он не был. Написать про других то же самое ему сказала мама. Когда они сдали документы, Вилену выдали направление на подготовительные курсы и объяснили, как туда доехать. Потом они с мамой погуляли по Главному проспекту, постояли в очереди в кафе, съели невкусный обед, посидели у Вилен в комнате, и мама через Москву уехала обратно на Украину работать. Виля остался один, немного погрустил и лег спать.

На следующее утро он спросил у знакомой маминых знакомых, которая сдала им комнату, как дойти до метро. Метро оказалось рядом, и Вилен с пересадкой на станции «Технический институт» поехал до станции «Парк Победителей». Выйдя на станции «Парк Победителей», Вилен оказался в Москве. Вокруг стояли абсолютно московские дома и даже одна московская башня.

«Неужели я на улице Горького?» – коротко подумал он, испугался и хотел снова нырнуть в метро, но все-таки спросил у прохожего название улицы.

– Столичный проспект, – ответил прохожий.

И дома, как на бутылке «Столичной», ну точно заблудился, опять запаниковал Вилен. Но все-таки решил сделать последнюю попытку определиться в пространстве.

– Как доехать до улицы Маресьева? – спросил он у другого прохожего. И понял, что он все-таки в большом и красивом городе.

Маршрут, подробно описанный прохожим, полностью совпал с объяснениями в приемной комиссии. Горожане знали и любили свой город.

Это все-таки была не Москва. В этом Вилен еще раз убедился, когда через две остановки вышел из трамвая и, обойдя параллелепипед кинотеатра «Рассвет», увидел странное крылатое здание, похожее на пропеллер. Три крыла здания крепились к цилиндру с куполом наверху. У

входа в цилиндр висели две таблички. На верхней было написано «Институт авиационного приборостроения», на нижней – «Памятник архитектуры XVIII века, охраняется государством».

«Откуда они в XVIII веке знали про пропеллер», – подумал Вилен, показал направление охраннику и проник внутрь.

С этого дня целый месяц с 10 часов утра и до обеда Вилен грыз гранит подготовительной науки. Но приезжал он к 9 утра, когда открывался институтский буфет, в буфете Вилен с удовольствием вгрызался в свиные сардельки, заедал их черным хлебом и запивал бутылкой кефира. Это было ничуть не хуже, чем мамина глазунья из трех яиц с докторской колбасой, помидорами и огурцами.

* * *

В первую пятницу с момента второго появления Вилен в большом, необыкновенном городе после обеда, когда Виля усердно боролся с двумя неизвестными, заданными на подготовительных курсах, дверь резко открылась, и в комнату в сопровождении Паши Захаровны, так звали знакомую маминых знакомых, сдавшую Вилену комнату, по-хозяйски, легкой кошащей походкой вошел поджарый, коротко стриженный неизвестный в рубаше в мелкую красную клеточку и белых штанах и спросил:

– Ты кто?

– Аркадий, уходи отсюда, сюда уже приходили, про тебя спрашивали, я обязана позвонить.

– Уйду, уйду, Паша Захаровна, погоди немного.

– В институт поступаю, – растерянно ответил Виля.

Еще когда Виля с мамой увидели комнату, мама спросила, где хозяева.

– На севере, – ответила Паша Захаровна.

– За длинным рублем поехали, – сказала мама.

– Можно и так сказать, – ответила Паша Захаровна.

– А это моя комната, – сказал неизвестный, – я ее спальней Винсента называл. Все как на картине, только шкаф лишний. Да ты не дергайся, живи, молодец, что поступаешь, уважаю. А я вот учиться не стал, об ментовскую башку бутылку разбил.

– Аркадий, перестань, – вмешалась Паша Захаровна.

– А чего он в меня из волены палить стал? – распалился Аркадий и, как тигр к отставшей от стада антилопе, бросился к славянскому шкафу, одиноко стоящему слева от входа, и резко распахнул все его двери.

Виля схватился сильной рукой члена школьных баскетбольных и волейбольных сборных за край письменного стола и похолодел. На верхней полке под аккуратной стопочкой трусов и маек, уложенных мамой, лежали все его деньги.

– Смотри, смотри, видишь, дырка, а если б я мента не бутылкой по голове, вот здесь бы была дырка, – показал на свой лоб Аркадий.

– А вот где вышла, – показал дырку в дальней стене шкафа.

Виля попытался представить драму, произошедшую в комнате.

– Ну устроили легкий пожарец в комнате, так мы ж его потушили, а эта сука ментов вызвала, – опять завелся Аркадий и показал на стенку слева.

– Аркадий, уходи, – продолжала зудеть Паша Захаровна.

– Уйду я, уйду, Паша Захаровна, одна ты всегда меня понимала, вот только водочкой стены родные окроплю и уйду.

– Эй, – крикнул он и опять тигром выскочил в коридор.

В коридоре двое рабочих в четырехугольных газетных тубетейках красили стены.

Один стоял на самодельных лесах и мазал потолок кистью, насаженной на двухметровую палку. Другой давал советы и подавал ведра с краской.

– Сикстинская капелла. Муки и радости. Микеланджело и подмастерье.

– Микеланджело и подмастерье повернули головы в сторону незнакомых слов. Во лбу Микеланджело торчал портрет Ленина. Во лбу подмастерья тем же занимался портрет Брежнева.

– Ну что, Ильичи, обед, – продолжил веселиться Аркадий. – Давайте за водочкой.

– Есть, начальник.

– Я тебе дам, начальник, гоните в магазин, возьмите бутылку «Столичной», ну там закусокки, ну и себе, что-нибудь. Вот деньги, порхай, порхай.

Принесли водку.

– Будешь? – спросил Аркадий.

– Не-е-ет, – испуганно сказал Виля.

– Правильно, – сказал Аркадий, сделал несколько глотков из горлышка, налил работягам по полстакана и действительно стал кропить стены.

– Книжки читать любишь?

– Люблю, – сказал Вилен.

– Там у меня под кроватью целый чемодан книжек. Читай, разрешаю.

Вилен уже открывал этот чемодан, сверху лежал «Тихий дон» под ним «Молодая гвардия», дальше Виля смотреть не стал. Все равно читать было некогда.

– Книжку Надсона видел?

– Надсона? А кто это?

– Ты Надсона не знаешь? Ну ты даешь. Я после каждой ходки, ну то есть когда сюда приезжаю, сразу на «Мостки», посижу на его могилке, выпью с ним. Сейчас тоже поеду, хочешь со мной?

– Не-е, мне готовиться надо.

– Правильно, учись, ну а я поехал. Хороший ты человек, Паша Захаровна.

Когда дверь за Аркадием закрылась, Вилен бросился не к письменному столу, а под кровать – к чемодану.

Винсент, Микеланджело, Надсон, кто такой Винсент? И кто этот Аркадий, недоумевал Виля.

Книжка Надсона оказалась дореволюционной с дореволюционными буквами. Первое же стихотворение оказалось антисоветским.

«Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат... – писалось в стихотворении, и дальше: – Пусть неправда и зло полновластно царят /Над омытой слезами землей, /Пусть разбит и поруган святой идеал /И струится невинная кровь...»

– Откуда он до революции про Сталина знал? – удивился Вилен.

«Я плакал тяжкими слезами» – начиналось второе стихотворение.

Стихи Вилену очень понравились. Кто в 17 лет не хочет победить несправедливость и разобраться в жизненных смыслах. Правда, вокруг Виля не слышал жгучий стон мятежного страдания и резкий звон цепей, не видел кровь пролитую, разнузданный разврат и труд поруганный. У него все еще было впереди.

«Надо же какой этот Аркадий», – думал, засыпая, Вилен.

* * *

«Аркашка, гад, все вынес: и деньги, и одежду, и белье постельное, и чемода-а-ан!» – выло в голове Вилену.

– Да что ж это такое, родненькие! – кричал коридор.

– Успокойся, Клаша, я уже позвонила, сейчас приедут и все найдут, – послышался голос Паши Захаровны.

– Ка-а-а-к же, они найду-у-у-т, – продолжался вой.

Наконец Виля проснулся и выглянул в коридор – у дверей соседки собралась вся коммуналка. Виля тоже заглянул в Клашину комнату. Мягкий волшебный свет заливал жилое помещение несчастной Клавдии, он шел от висящей на стене лампы, замотанной в наволочку.

«Что б из коридора свет не увидели», – догадался Вилен.

Окно было раскрыто, и легкий ветерок развеивал белую занавеску.

В жизни Вили уже был один случай воровства. Но тогда никто не кричал.

Случай произошел в его родном Серебрянске, где никогда ничего не случалось, где ключи от входных дверей клали под коврик, а летом все окна и двери были нараспашку. И случилось это с его отцом.

Однажды утром отец Вили, собираясь на работу в больницу, где он служил заведующим хирургическим отделением, не обнаружил на вешалке свой пиджак.

– Бела, ты не видела мой пиджак? – спросил он у мамы Вилены. – Брюки есть, а пиджака нет.

– Видела, ты вчера в нем пришел с работы.

– А теперь я в нем на работу не могу уйти, потому что его нет, а у меня сегодня политинформация.

– А может, и не видела, может, ты его на работе оставил. Ничего страшного, надень свой выходной костюм. Ничего не случится, если ты в нем прочитаешь свою политинформацию. Тебя и в домашнем халате будут слушать.

Действительно, на отцовскую политинформацию сбегалась вся больница. Поговаривали даже, что сведения для нее он берет на Би-би-си у Анатолия Максимовича Гольдберга.

Пришлось отцу на работе не только резать больных (резать на сленге отца Вилены означало делать операции), не только читать политинформацию в выходном костюме, но и искать пиджак.

Но и на работе пиджака не оказалось.

И только, когда после обеда у отца в кабинете прозвонил телефон, пиджак нашелся.

– Здравствуй, Илья, – сказал в трубку начальник серебрянской милиции, – у тебя на днях ничего не пропадало?

– Да вот пиджак куда-то запропастился, нигде найти не могу.

– Ну, значит, я не ошибся, твой пиджак у меня в кабинете висит.

– Интересно, как он к тебе в кабинет попал, мы же вчера с тобой не пили? – удивился отец.

– А теперь обязательно выпьем, двери нараспашку держать не надо.

Вор оказался пришлым. Ни одному серебрянцу никогда бы не пришло в голову покушаться на имущество семьи Вили. Вор возвращался из заключения, ему хотелось есть, а пиджак отца, висевший в прихожей, выглядел вещью, которую можно было быстро продать. Вор и пошел его продавать на серебрянский базар.

Несчастный пришлый вор не знал, что пахнувший табаком, пошитый в доброй старой Англии отцовский пиджак с редким для Серебрянска узором в клеточку продать на серебрянском базаре было то же самое, что продать краденого Рембрандта на аукционе «Сотбис».

Практически все продавцы зелени, овощей, мяса и других продуктов питания на серебрянском базаре либо их жены или их дети были пациентами Вилиного отца. А Вилин отец был их постоянным покупателем. С продавцами мяса он решал, какую часть говяжьей туши рубить на бифштекс, а какую – на антрекот или бефстроганов. Продавцам зелени и помидоров объяснял, чем серебрянские помидоры отличаются от крымских и почему на серебрянских огурцах в два раза меньше пупырышек, чем на белорусских.

В общем, когда параллельно с вором один серебрянский милиционер Иван Петрович, забежал на базар купить зелени и помидоров, все продавцы хором обратили его внимание на продающего знаменитый докторский пиджак.

Пиджак отца и продающий его неместный человек Ивану Петровичу тоже показались субстанциями несовместными.

Мама хорошо одевала Вилиного отца и своего мужа.

Английский костюм тонкого твида был много лет назад куплен на углу Ленина и Шевченко в районном универмаге на втором этаже. И сносу ему не было, как доброй старой Англии. Сперва он использовался как выходной, а потом как ежедневный.

Виле пиджак напоминал не о доброй старой Англии с ее Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном, а скорее, о ячейке английского банка с советской мелочью внутри. Нравилось Виле потаскивать мелочь из отцовских карманов. Тем более было для чего.

Раз в неделю Виля вешал на руль своего велосипеда сетку с пустыми опасно позвякивающими бутылками из-под молока и ряженки, а иногда еще и от водки и коньяка и ехал в пункт приема стеклотары.

– А ну розийдысь, голота, – кричала приемщица, – це сын дохтора приихав, його батько у мене из п'ятыкы скло вынув. Наб'єте тут бутылок, ходыты страшно. Давай, сынку, свои бутылкы.

«Голота», многим из которых Вилин отец тоже что-то вынул или вправил, расступалась.

Но денег от сданных бутылки, которые мама разрешала брать Виле себе, на подписку коричневого четырехтомного Гайдара не хватало. А Виля так хотел на него подписаться. И часто отцу приходилось доставать кошелек и разменивать рубль, потому что вместо 22 копеек на покупку «Беломора», отец находил в карманах пиджака только его крошки.

Так что вору не повезло дважды: и карманы до него уже были обчищены, и пиджак он не успел продать. Да и кто б его в Серебрянске купил.

Больше с воровством Виля не сталкивался, и сам им больше не промышлял, и чтобы столкнуться с ним неоднократно, ему пришлось уехать в большой и красивый город.

В случае с отцом вор был неизвестен, но его нашли. Из криков соседки Клавдии Виля понял, что вор определен сразу – это был удививший его Аркадий.

– Граждане, разойдитесь по своим комнатам, мы со всеми побеседуем, – услышал Вилен и увидел двух спортивных молодых ребят в спортивных кофтах на молнии и узких брюках.

– Где пострадавшая, что случилось?

– Вот смотрите, с вечерней пришла и что увидела-а-а, – опять попыталась завывать Клавдия.

Ребята стали осматривать комнату. Клавдия притихла.

– Вы передовик производства? – спросил парень.

– Да-а, – удивленно сказала Клавдия, – у меня удостоверение есть.

– А недавно вы победили в социалистическом соревновании...

– Да-а, – опять удивилась, успокаиваясь, Клавдия, – мне грамоту дали.

– Ваши вещи целы, они у нас, и удостоверение, и грамота.

– Ну Аркадий, сука, он еще и грамоту спи... – хотела заорать Клавдия. – Что, правда, все нашли? – вместо ора удивленно спросила она.

– Ну да, нашли, успокойтесь, напишите лучше, что у вас украли.

Потом был опрос свидетелей. Вилен тоже опросили.

– Про Надсона говорили? – удивился следователь. – Надо же какой вор культурный, Надсона читает.

– А вы тоже его знаете? – удивился Вилен.

– Конечно, кто ж его не знает, – в свою очередь удивился молодой следователь.

«Удивительный город, я обязательно буду в нем жить», подумал Виля.

– А если не секрет, как его поймали? – спросил Вилен.

– Вообще-то, секрет, но тебе скажу. Здесь прямо на углу Главного и Глюка с чемоданом в такси садился. Там же на углу кафе-автомат, наши ребята, когда на дежурстве, перекусить туда забегают. Уж очень там сосиски с пюре вкусные. Смотрят, а на стоянке такси под фонарем что-то знакомое с чемоданом стоит.

Так его же фото во всех отделениях висят, вспомнили ребята. Тут такси подъехало, пришлось его из такси вынимать. Ну а через час от вас позвонили.

25 марта 1974 года, в свой день рождения, Вилен Хорошокин пошел с женой Тоней посмотреть всесоюзную премьеру нового фильма Шукшина «Калина красная» и обомлел. В тюремном хоре стоял Аркадий в своей клетчатой красной рубашке и пел «Вечерний звон». Казалось, что сейчас хор допоеет, и Аркадий выйдет вперед и объявит стихотворение Надсона:

– «Не вини меня, друг, – я сын наших дней».

– Аркадий, – прошептал Вилен.

– Какой еще Аркадий? – прошептала Тоня. – Шукшин это.

«Конечно, Шукшин, – подумал Вилен, – но вылитый Аркадий».

* * *

В выходные подготовительные курсы не работали. Вилен тоже позволял себе расслабиться. В субботу он спросил у Паши Захаровны, как доехать до моря.

– На 10-м троллейбусе в Гавань, на Кошкин остров, – сказала Паша Захаровна. – Правда, там не море, а залив, но до настоящего моря тебе все равно не доехать.

И Виля поехал к морю-заливу. Когда он сошел на остановке Гавань, то увидел огромную очередь.

«Ничего себе, сколько людей рвутся к ненастоящему морю», – удивился Вилен.

Оказалось, народ рвался не к морю, а на выставку – «Жилище США».

«Здорово, шел к морю, а попаду в американские комнаты», – обрадовался Виля и встал в очередь. Через два с половиной часа с очередной группой любопытных горожан Вилен впинулся в павильон, разбитый на сектора, изображающие разные жилища США, с разными комнатами, набитыми невиданными предметами быта простого американца. Названия многих предметов Вилен знал, но некоторые названия приходилось читать на табличках рядом с предметом.

На одной из табличек Виля прочитал: «Видеомагнитофон». На коврик, огражденном веревками, стоял на тумбе большой телевизор, рядом, на другой тумбе побольше, стоял огромный ящик с большими вертящимися блинами с коричневой пленкой. Такие вертящиеся огромные железные блины с пленкой Виля видел в подсобке киномеханика в летнем кинотеатре имени Ленина у себя в Серебрянске.

В телевизоре по синей траве под ковбойскую музыку скакали фиолетовые лошади.

– Разве в Америке трава синяя, а лошади фиолетовые? – спросил Вилен американца на стенде.

– Нет, трава в Америке очень зеленая, а лошади разные, но только не фиолетовые, просто пленка бракованная, – ответил американец, – завтра пришлют хорошую, приходите.

Все время осмотра внутренностей американского жилища Вилен преследовал хриплый женский голос, поющий что-то американское. Наконец голос стал громче, и Виля увидел пританцовывающую публику, втиснулся в нее и чуть не упал. Пол в павильоне был сделан, как лесная военная дорога, из огромных бетонных плит. Плита, на которой танцевала толпа, ходила ходуном. То ли ее растанцевали, то ли она не выдержала пения, напоминающего звуки движущихся танков.

– Элла Фитцджеральд! – перекричал музыку на ухо Виле один из танцоров. – Правда, здорово?!

– Здорово, – прокричал в ответ Виля, чтобы не обидеть танцора. На самом деле ему нравились «Битлз» и «Роллинг стоунз», но все равно было здорово.

– У тебя дома есть проигрыватель? – спросил танцор.

– У соседки есть, – вспомнил Вилен комнату соседки Клавдии.

– Хочешь хорошие диски послушать? Мы из Польши в гости к бабушке приехали, я пласты с собой взял, а у нее проигрывателя нет.

– Хочу, конечно, – перекричал Виля Эллу Фитцджеральд.

– Ну тогда пошли.

Бабушка Витека, так звали поляка, жила рядом с Гаванью.

– Ой, Витек, что так долго, уже обедать пора, это твой друг? Зови его обедать.

Вилен с удовольствием съел вкусный домашний обед, напоминающий мамин, и ответил маме Витека на все ее расспросы.

– А Витеку на следующий год поступать, он, как папа, моряком хочет быть.

После обеда они поехали к Вилену, попросили у Клавдии проигрыватель и долго гоняли диски в комнате Вилены.

– Я бы тебе оставил еще послушать, но послезавтра мы уезжаем.

– Спасибо, но мне все равно некогда было бы слушать, готовиться надо, – поблагодарил Вилен.

– Тогда пока, – попрощался Витек.

«Какой город, какие люди, – подумал Виля, когда Витек уехал. – Я обязательно останусь в этом городе».

В воскресенье Вилен поехал на острова, покатался на колесе обозрения и попал на какой-то городской праздник. Бесплатно послушал «Диксиленд» и ансамбль «Голубые гитары» и еще раз захотел остаться в большом, замечательном, необыкновенно красивом городе. Все было просто. Всего лишь нужно было поступить в институт.

Вступительные экзамены принимали в главном здании института. Приехала мама, чтобы постоять в толпе родителей перед главным входом и поддержать сына. Она остановилась у очень культурных родственников, пытавшихся научить Вилену культурно кушать варенье. Серебрянские манеры Вили корежили коренных жителей культурной столицы.

– Почему ты ешь варенье из общей банки, положи себе в розеточку, – говорила тетя Мера.

– Это моя банка, – говорил Виля, – мне ее мама привезла.

И продолжал с наслаждением чавкать, выгребая из банки вишневое варенье. Хорошо мама оставила Вилену на улице композитора Глюка. А то еще, чего доброго, приучила бы его тетя Мера есть варенье из розеточки. Но она не успела, и по сей день Вилен Ильич с удовольствием продолжает есть варенье из личной банки и макает туда булки и бублики и этим безмерно счастлив.

* * *

От улицы композитора Глюка до института ходили два троллейбуса – № 5 и 14.

На первый экзамен Виля поехал на № 14, купил билет, в котором до счастливого не хватило единицы, и получил вместо пятерки четверку.

В 1969 году в общественном транспорте большого необыкновенного города не было кондукторов, вместо них стояли кассы, в которые сознательные горожане бросали три копейки, если это был трамвай, четыре копейки, если это был троллейбус, в автобусе билет стоил пять копеек. Билеты были пронумерованы шестизначными числами. Если сумма первых трех цифр равнялась сумме последних трех цифр, пассажир начинал скакать от радости, и все понимали,

что он купил счастливый билет. Если пассажир купил счастливый билет и не прыгал, тогда никто об этом не догадывался. Так как в общественном транспорте никто никогда не прыгал, то никто и не верил, что бывают счастливые билеты. Виля тоже не верил, но билет всегда проверял. На второй экзамен Виля сознательно сел в троллейбус № 5, купил билет, и... билет оказался счастливым. Виля прыгать не стал, сдал экзамен и получил пять. Выйдя из аудитории, Виля запрыгал.

На третьем экзамене метафизика продолжилась. Был пятый троллейбус, счастливый билет и пять по физике. Виля опять попрыгал и стал студентом. Интересно, поступил бы Вилен в институт, если на площадь Профсоюзов ходил только 14-й троллейбус, и в нем не было счастливых билетов? Но что случилось, то случилось.

И с 1 сентября в одной из съемных комнат одной трехкомнатной квартиры большого и необыкновенного города с хозяйкой и ее пятью детьми, клопами и тараканами поселился студент, намеревающийся жить в этом городе всегда и счастливо.

Глава 1.4. Чтобы построить три квартиры в большом и красивом городе, Хорошокин работает студентом и начинает временно жить в этом городе

После поездки за город ум Хорошокина так возбудился желанием поселиться в коттеджном поселке, что он, Хорошокин, предложил своему агенту поменять вторую купленную квартиру на участок и недостроенный коттедж. Но оказалось, что коттеджному поселку квартиры в городе не нужны, а от денег они не отказались бы, и порекомендовали продать квартиру через свое агентство недвижимости. Покупка загородного дома превращалась в очередную погоню за счастьем.

Настигать мираж-счастье и превращать его в скучную действительность Хорошокину было не впервой.

Первый его настигнутый мираж-счастье – институт превратился во что-то совсем неожиданное.

3 сентября студент Вилен Хорошокин вместе с другими однокурсниками был на месяц сослан в совхоз на перевоспитание.

В Серебрянке Вилена тоже пытались перевоспитывать колхозами. Но то были теплые солнечные украинские плантации огурцов и помидоров. И выезжали они туда на один день.

Здесь же из хорошей веселой украинской деревни с папой и мамой бедный Виля попал в гнусную деревенскую картофельную дыру с дождями, холодами и утренними туманами. Потому что вокруг были только гнус, картофель, дожди, холода и туман. Еще, правда, был сарай с нарами, солома в наматрасниках и Виля в ватнике и резиновых сапогах. Это была первая плата за желание жить в большом необыкновенном городе.

Оказалось, что в группе Вилена уже были назначены староста и комсорг. Старосту звали Толя Ефрейторов, а комсорга Света Рюрикова.

Толя Ефрейторов был кудрявым очкастым ботаником, а Света Рюрикова – девушкой с русыми волосами и фигурой оперной дивы. Они были жителями культурной столицы. И как все, ну не все, но интеллигентные жители точно, были в общении с провинциалами просты, незаносчивы и обходительны, если не сказать, предупредительны.

На следующий день после первого выхода в поле для уборки картофеля с бескрайних полей Света организовала комсомольское собрание.

Купить водку было поручено Сереге Шевчуку и Володе Степаночкину, они хоть и не были жителями культурной столицы, но в водке разбирались. Хотя чего там было разбираться, водки было два вида – «Московская» и «Столичная», и надо было просто понимать, сколько ее купить, чтобы опять за ней не бежать. С этой задачей они справились. Виля водку уже пробовал и даже опохмелялся, но она ему не понравилась и пить ее он бросил, поэтому он, насупившись, сидел в уголке и пытался быть незаметным.

Света предложила познакомиться и попросила старосту, у которого был список, произносить имена и фамилии. Вызванный должен был представиться и чуть-чуть рассказать о себе.

– Хорошокин, кто у нас Хорошокин? – услышал Виля свою фамилию. – Это он в школе был Хорошокин, а теперь должен стать Улучшокин, – пошутила Рюрикова.

– Я Улуч..., то есть Хорошокин, – запутался Виля.

– А когда он институт окончит, какая у него будет фамилия? – спросил студент Шевчук.

Еще одну фамилию для Вилена придумать не смогли и решили выпить. Пили из больших алюминиевых кружек и заедали хлебом с чесноком. Пришлось Вилену опять начать пить. Уж очень дружно его уговаривали одноклассницы Уткина Марина и Полозова Нина. После третьего тоста за студенческую дружбу Вилену все стало нравиться, понравились ему и Уткина

Марина, и Полозова Нина, и он даже предложил девчонкам вместе убирать картофель. Как ни странно, они согласились.

На следующий день Уткина Марина, Полозова Нина и Вилен поползли с ведрами по соседним бороздам. Когда ведра становились полными, Вилен галантно пересыпал картофель из ведер девчонок и своего в деревянные ящики и возвращался с ненавистными пустыми ведрами обратно.

– Будь ты проклят, Хорошокин, – говорили девчонки, вырывали ведра у Хорошокина и ползли по борозде дальше.

На третий день, а может, на четвертый, в общем, когда бог отделил грязь от хляби, а в деревне прекратился дождь, на середине борозды Вилен натянутой на голову вязаной кепкой врезался в ведро полное картошки, поднял голову и увидел счастливое, улыбающееся, светящееся чудо в вязаной шапке.

– Привет космическим медикам, а меня к вам на помощь послали, – сказало чудо. – Я твою борозду с той стороны уже добил. Я Дементьев, но все зовут меня Пека. Я вам белые перчатки принес.

– Привет гироскопам, – обрадовался неожиданному чуду и неожиданной помощи Вилен.

– Я не гироскопы, я приборы, – поправил Пека.

Пека был из Мурманска, белые нитяные перчатки были из мурманской мореходки, их выдавали только на парады. Пека выдал всем по две пары, и оказалось, что они сшиты не только для парадов, но и для уборки картофеля. С появлением Пеки уборка пошла весело, потому что Пека был веселым. Вилен тоже был веселым, но его веселости никто не замечал, потому что она была внутренней. Снаружи была одна мрачная доброта и желание справедливости.

Свой участок ставшая веселой благодаря Пеке четверка закончила раньше других и уже собиралась ехать домой, но их поставили спасать отстающих. Виля тогда еще не знал, что так бывает довольно часто.

Пека стал его первым другом в большом и необыкновенном городе.

Из-за желания справедливости и отсутствия любви к пиву и другим горячительным напиткам отношения Вили с мужской частью группы на первом курсе носили официальный характер. Приходилось бороться с одиночеством.

Весь первый курс Вилен ходил на лекции, читал книги, взятые в институтской библиотеке, там знали не только Надсона, но и других хороших писателей и поэтов и рекомендовали их Вилену. И летал домой к родителям на Украину. С девчонками из группы отношения у Вилена сложились, потому что они любили ходить в кино и театры и были равнодушны к пиву и водке. И иногда с некоторыми из них он ходил в кино и театр.

Так пролетел первый курс, и Вилена забрали в стройотряд. Забрали в стройотряд и Уткину Маринку, и Полозову Нину, и еще одного одноклассника, Женю Кирпичкина. Вилена и Женю назначили бригадирами, и Женя объяснил Вилену, что настоящий бригадир должен уметь пить и курить и научил его этим нехитрым занятиям. Благодаря полученным навыкам сразу после стройотряда Вилен подружился с мужской частью группы, и, как оказалось, навсегда.

А еще к концу первого курса Вилен подружился с большим и необыкновенным городом, что для него оказалось непросто.

Ранее ему неизвестные, порой загадочные и странные явления удивляли и обескураживали Вилена.

В своем Серебрянске Виля общественным транспортом не пользовался, в очередях не стоял и был поражен необузданным желанием справедливости пользующихся общественным транспортом и очередями жителей великого города.

Жителей в большом городе было слишком много, и они все время никуда не помещались. И им всего не хватало. Кому продукта в продуктовом магазине, кому места в общественном

транспорте, а кому и билета в театр или цирк. И без наведения справедливости и порядка было просто никуда. Тем более тут еще Вилен добавился.

– Как вам не стыдно? Вы житель великого города. Уступите немедленно женщине место, – набрасывались на зачитавшегося Вилю в метро.

– Немедленно возьмите билет, – требовали у замешкавшегося Вилену в трамвае.

– Куда ты прешь? – говорили лезущему в переполненный автобус через передние двери Виле и били по голове.

В Серебрянске не было очередей. В большом и красивом городе в них проходило полжизни. Но и тут все было по справедливости. Без очереди не пускали никого – ни ветеранов, ни инвалидов, ни даже матерей-одиночек, и товара отпускали не больше двух штук в одни руки.

Всего остального в Серебрянске тоже не было.

Ели клопы, причем ели везде, где бы Вилен ни жил. Поражало обилие ненормальных, увечных и убогих, особенно много их было на Кошкином острове. Такой их концентрации в одном месте не было даже на знаменитом острове Манхэттен, который Вилену удалось посетить в далеком будущем.

Пили в Серебрянске в вишневых садочках около хат. Те, у кого были только хаты без вишневых садочков, ходили в заброшенный парк у речки Серебрянки, в ресторан «Пенек». Там они вставали в кружок у пенька, к ним подходила старушка с кошелкой, вручала каждому по соленому огурцу, кусочку черного хлеба, отходила в сторонку и тихо ждала, когда бутылки станут пустыми.

В большом и красивом городе все это заменял «ресторан-подъезд», или, по-местному, «ресторан-парадная», в лучшем случае «ресторан-пивной ларек», рядом с которым обязательно была парадная. Если в ресторане «Пенек» было достаточно отдаленных деревьев, за которыми можно было избавиться от излишков выпитого, то в парадной, какая бы она ни была большая, дальше лифта или лестницы деться было некуда. Запахи в парадных стояли более чем неприятные. Причем выпивали и избавлялись от излишков выпитого в парадных все слои общества – от пролетариев и студентов до творческой и технической интеллигенции. А что было делать? Не дома же с друзьями пить.

Иногда, конечно, правда, очень редко жители Серебрянска и великого города ходили в настоящие рестораны и городские туалеты. Конечно, ресторанный и туалетный дела в великом городе было поставлено неизмеримо лучше, чем в Серебрянске. Туалетное дело превосходило семикратно, потому что в Великом городе было аж семь общественных туалетов – два на Главном проспекте и пять на пяти вокзалах, а в Серебрянске ни одного. Превосходство в ресторанах было многократное. В Серебрянске был всего один ресторан.

По коммуналкам большой и красивый город тоже превосходил Серебрянск многократно. В Серебрянске коммуналок не было. В коммуналках большого прекрасного города Вилен бывал, но не жил, иначе сказка о большом прекрасном городе была бы похоронена навсегда.

Еще у города была очень справедливая пролетарская кухня, точнее, еда. После гоголевского украинского изобилия, которому Вилю подвергала его мама, домашняя еда горожан была скудной, полуфабрикатной и невкусной.

Чтобы ее как-то улучшить, горожане в массовом порядке ходили по грибы.

Массовое хождение в леса по грибы было Вилену тоже непривычно, он каждый раз боялся заблудиться и изводил рискнувших взять его с собой горожан криками «Ау» и вопросами о каждом увиденном грибе. Большинство увиденных Виленом грибов оказывались поганками. Так и не смогла пристать к Вилену прелесть грибной охоты.

Правда, соленые, маринованные, а уж тем более жареные грибы с жареной картошечкой, не говоря о грибных супах, приготовленных друзьями грибниками, Вилен уплетал за обе щеки.

Было еще много других мелких неудобств и непривычностей.

Например, собаки. В Серебрянске собаки жили в собственных домиках, называемых будками, бегали по двору на цепи по проволоке и злобно облаивали всех неизвестных входящих во двор и даже пытались на них наброситься. Зачем нужны были собаки в красивом необыкновенном городе, Вилен не понимал. И так народу было кругом невпроворот, а тут еще собаки. Жили в городе собаки вместе с людьми в их отдельных и коммунальных квартирах, много ели, много гадили и ничего не охраняли. На улицах им разрешалось носиться где попало, гадить где попало и облаивать кого попало. Пришлось Виле привыкать ко всему новому и непривычному.

И со временем Вилен тоже начал делать замечания в общественном транспорте, бороться за чистоту рядов очереди, пить в парадных, полюбил селедку в горчичном соусе, сельдь рубленую и даже стал закусывать водку бутербродами с балтийской килькой. Стал обедать пельменями и котлетами фабричными и ужинать колбасой любительской разваливающейся в руках еще до того, как ее начинали резать. Воспитательные замечания и другие попытки призвать Вилену к порядку стали отскакивать от него, как мяч от плохого футболиста. И к окончанию первого курса он стал хоть и временным, но примерным горожанином. Только избавляться от излишне выпитого в парадных было выше его сил, он и около речки Серебрянки никогда этого не делал.

И еще целый год привыкал Вилен к явлению, которое называлось погодой великого города. Начальник военной кафедры полковник Токсов называл это климатическими условиями.

– Есть разные климатические зоны, – говорил он, – и наши изделия должны быть к этим зонам приспособлены. В нашей климатической зоне среднегодовая температура +4 градуса, что соответствует климатической зоне Лондона. Поэтому у нас не Сахара и не Оймякон, но тоже не сахар. Ветра и влажность, резкие перепады температур и атмосферных давлений сильно воздействуют на наши изделия.

Изделиями в военной терминологии обозначались любые изделия, способные нанести непоправимый урон вражеской живой силе и технике.

В случае Вилену это были ракеты «земля-воздух».

Если бы полковник Токсов знал, как сильно климатические условия великого города воздействовали на изделие под названием Вилен, не собирающееся никого уничтожить!

«Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух...» —

вспоминал Виля свою родную, любимую богом и Вилей Полтавщину, сидя в 10-метровой келье на девятом этаже панельного дома на Улан-Баторской улице, и слезы наворачивались на его карие в зеленую крапинку глаза.

Были, конечно, и в Городе прекрасные ночи, назывались они белыми, но их Виля, во-первых, практически не видел, потому что в это время сдавал сессию, а во-вторых, были они совсем нетихими. Под окнами орали пьяные и дерущиеся, причем иногда одновременно, хохотали женщины и плакали маленькие дети.

С уходом белых ночей уходили крики, но вечера все равно тихими не становились, потому что воздух превозмогал свою дремоту и начинал выть зверем, плакать дитем, колотить дождем и снегом в окна и, вообще, нагонять тоску и желание сбежать обратно в Серебрянск.

Вылезать из кельи очень не хотелось, но институт требовал лабораторных жертв и записывания лекций в конспекты. Хотелось спать, душила грусть, и не было сил даже руку поднять в минуты ужасной погоды. На автобусной остановке люди, как овцы, жались друг к другу, а 114-й автобус все не шел и не шел.

Потом все-таки медленно, уходя и опять приходя, наступала весна, точнее, то, что в большом красивом городе так называли, потом шел валаамский лед, в магазинах появлялась единственная местная рыба, пахнувшая огурцом, и переодевшимся в весеннее горожанам приходилось опять переодеваться в зимнее. Потом ударяла жара, наступали белые ночи и сессия. Круг замыкался. После первого годового цикла Вилену стало легче. Он пережил климатические условия осени, зимы, весны и лета в большом и красивом городе, а значит, если верить Монтеню, кто пережил такие климатические условия времен года один раз, переживет их и во второй, и в третий, а потом или привыкнет, как к жене, склонной к сильным чувствам с перепадами настроения, или сбежит.

Вилен не сбежал ни от жены, ни от погоды. Точнее, от жены пытался сбежать, но вернулся.

Глава 1.5. Вилен женится и становится постоянным жителем большого и красивого города. Мираж обманного счастья семейной жизни

Агентом по недвижимости оказалась веселая общительная женщина средних лет. Посмотрев квартиру, она объявила хорошую цену и, веселясь и заигрывая, предложила Хорошокину проехать в их риэлтерскую фирму «Наш дом», чтобы подписать необходимые бумаги.

И начались показы квартиры, и заигрывание и веселье сразу закончились, потому что работа по продаже квартиры оказалась делом серьезным. Хорошокин этого не знал и при каждом новом показе совершал одни и те же ошибки, потому что говорил все как есть. Наконец агент запретила ему заговаривать с клиентами, и только если клиент заговаривал с Виленом, Вилен имел право ответить.

Слава богу, покупатель нашелся быстро, им оказалась семья, живущая в одном дворе с Хорошокиными.

Но осталось преодолеть одно маленькое препятствие – уговорить многодетную дочь Ленину подскочить на пару недель из Америки в великий город и сняться с регистрации в продаваемой квартире.

И тут оказалось, что препятствие совсем даже немаленькое и, даже наоборот, практически непреодолимое, потому что многодетная дочь Ленина решила стать еще многодетнее и родить Хорошокиным четвертого внука. И в таком, как говорится, положении летать на самолете туда и обратно отказалась.

Тогда агент познакомила Хорошокина со своим знакомым адвокатом, и адвокат сказала, что за такое поведение дочери Хорошокины должны подать на нее в суд, и суд за неправильное ее поведение вышвырнет ее из квартиры прямо в Америку, в которой она и так живет долго, хорошо и счастливо.

– Конечно, для вас это все понарошку, но суд должен думать, что дочка сбежала в Америку, потому что вы ее обидели, и специально не выписалась, – объяснила адвокат.

– Ведь вы ее не обижали? – уточнила она.

«Надеюсь, что нет, хотя кто их, детей, знает», – подумал Хорошокин. Прежде чем обидеть дочь, ее нужно было родить, а для этого Хорошокину нужно было жениться и самому прописаться в большом и красивом городе.

* * *

Когда после второго курса настало время жениться, курс Вилена переехал из дворца, похожего на пропеллер, в центр – на улицу Огарева, в здание бывшего офицерского корпуса Конногвардейского полка, а самого Вилю на день рождения пригласила Нина Полозова. Там он познакомился с ее подругой, девушкой Тоней, тоже окончившей деревенскую школу (правда, ее деревня была поблизости от большого красивого города) и тоже поступившей в хороший технический вуз.

Девушка Тоня жила с отцом в городской квартире близких родственников, а Вилен скитался по съемным квартирам. Когда отец Тони уезжал в командировку или в их загородную квартиру, Вилен приезжал к Тоне.

После очередного приезда Вилена близкий Тонин родственник застал их в постели. После чего родственниками Тони было принято решение их женить. Родители Вили почему-то не возражали, Вилен тоже, и они с Тоней, пройдя через веселую студенческую свадьбу, оказались мужем и женой.

В свои 20 лет они не очень понимали, что значит быть мужем и женой, поэтому этим процессом продолжали руководить родители, в основном родители Тони.

И чтобы процесс углубить, отец Тони предложил Вилену прописаться в их городском доме.

– У вас есть городской дом? – удивился Вилен.

– Ну не у нас, а у бабушки Дуни. Ты ее видел, она, с тех пор как ей отрезали ногу, живет у нас в деревне за шкафом, – сказал тесть и прикурил правой негнущейся рукой очередную беломорину.

Рука у тестя перестала гнуться после того, как под Смоленском в 20-летнего командира роты воткнулись осколки авиабомбы. Руку спасти не удалось, а жизнь тестю авиабомба спасла. Через несколько дней Смоленск был окружен, из окружения выбрались немногие, а тесть уже катил на Урал в санитарном поезде.

Ногу бабе Дуне пришлось отрезать после того, как она ее слегка подморозила и сунула в печь для быстрой разморозки. Нога разморозилась, но почему-то началась гангрена.

– Мы все там прописаны, и не только мы, – продолжил тесть. – Теперь и ты имеешь право как муж моей Тони.

Прописаться в большом красивом городе мечтал любой гражданин СССР. Прописывали в нем в исключительных случаях, например, мужей прописывали к женам.

Домик бабушки Дуни Виле увидеть было не суждено, как и прописаться в нем. В домике никто не жил, так как жить в нем было невозможно, но в нем числилась уйма народу, в том числе и жена Тоня.

Через неделю, захватив паспорт и свидетельство о браке, Вилен поехал прописываться. Но прописаться не смог, прием граждан осуществлялся в определенные часы и в порядке большой очереди. В тот день не было ни очереди, ни определенных часов.

В следующий раз Вилен приехал в часы приема и занял место в большой очереди. Вилен приготовился к долгому стоянию и сидению, но очередь двигалась довольно быстро.

Не более чем через три минуты очередной проситель с криком «Я буду жаловаться» выбежал из кабинета. Были, конечно, и те, кто выходил из кабинета потирая руки, но таких было немного. Виля тоже вышел из кабинета через три минуты, но без всяких криков.

Посмотрев на его заявление, благодушный толстый начальник сказал, что это невозможно, и произнес таинственные слова «пятно застройки».

«Ну невозможно, так невозможно», – решил Вилен и пошел докладывать результат тестю.

– Как это невозможно? – возмутился опытный тесть, – ну-ка поехали вместе.

– На каком основании вы отказываете в прописке моему зятю? – грозно спросил тесть, входя с Виленом в кабинет начальника.

– На основании «пятна застройки», – устало ответил толстый добряк.

Тесть, улыбаясь, присел к начальственному столу и неожиданно металлическим голосом спросил: «Вы член партии?!»

От такого прямо поставленного вопроса толстяк внезапно похудел, побледнел, вытянулся в струнку и настороженно сказал: «Член, а что?» – «Так почему же вы игнорируете решения партии по жилищному вопросу?» – грозно продолжил тесть.

– Так не могу я, – жалобно сказал начальник. – Ведь «пятно застройки».

– Не можете, так напишите на заявлении, что не можете и по какой причине.

На углу заявления начальник быстро написал: «Прописка невозможна ввиду нахождения дома в “пятне застройки”».

– Поставьте число и подпись, – грозно сказал тесть. – Где у вас регистрируются документы?

– У секретаря, – тихо подсказал начальник.

У секретаря на заявлении был поставлен номер.

– Ну все, теперь можно ехать в райком, – сказал в автобусе тесть.

На следующей неделе Вилен с тестем отправились в райком.

Оказалось, с домом бабы Дуни все было довольно сложно. «Пятном застройки» он был заколдован не один год, а может, и не одну пятилетку. Когда-то давно, при составлении очередного пятилетнего плана, решено было на месте домика бабы Дуни построить завод каких-то изделий.

Время шло, и опять шло, и еще шло, а завод не строился, а дом бабы Дуни все больше приходил в негодность.

План хоть и государственный документ, но его государству можно не выполнять. А вот простые граждане, веря в решения государственного плана и в его сроки, перестают поддерживать жизнестойкость своих жилищ в надежде скорого получения бесплатных квартир. И с момента принятия плана не имеют никакого желания прикасаться к собственному дому в целях его улучшения, а государство прописывать туда кого попало, а особенно близкого родственника. Потому что, когда начнется запланированная стройка завода каких-то изделий, государство должно будет переселить граждан в отдельные городские квартиры. И чем лучше будут дома и чем больше там будет прописано семей, тем больше квартир, хороших и разных, придется выделить государству. Теперь понятно, что, если бы не «пятно застройки», прописавшихся в этих нескольких непригодных для жилья домиках было не меньше проживающих в них тараканов.

* * *

Райком оказался бывшим великокняжеским дворцом, а инструктор райкома очень вежливым и очень добрым молодым парнем.

– Феликс Игоревич, – представился он.

– Потомок что ли? – подумал Вилен. Как раз в прошлое воскресенье Вилен был затащен Тоней в музей русской живописи.

Феликс Игоревич очень был похож на князя Феликса Феликсовича Юсупова с портрета Серова, того самого, пытавшегося тремя выстрелами в Распутина спасти Россию. Только вместо черной блузы и черного банта на нем был серый костюм фабрики Володарского с черным галстуком, а в левой руке вместо бульдога он держал папку с делами.

– Мы обязательно займемся вашим делом, – ласково сказал инструктор Вилену. – Надеюсь, мы вам поможем.

– Неужели начальника жилконторы пристрелит? – испугался Вилен.

– Попадись мне такой на фронте, немедленно пристрелил бы, – вмешался тесть.

– Ну что вы, сейчас другие времена, – сказал Феликс Игоревич. – Мы призовем его и других бюрократов к их партийной совести.

Когда-то райком уже помогал тестю, и призыв к партийной совести помог, но тогда тесть сам был инструктором сельского райкома партии, и, когда понадобилось прописать всю семью Плохишкиных в домик к бабушке Дуне, сельским райкомом было написано письмо-просьба в обком большого красивого города. И обком помог. Коммунисты своих не бросали.

Потом, когда государственный план заколдовал домик «пятном застройки» и колдовство все не кончалось и не кончалось, а домик все ветшал и ветшал, тесть начал с колдовством бороться. Борьба заключалась в писании писем в разные инстанции, в основном партийные. У тестя была целая папка писем и ответов вплоть до ответа из канцелярии Брежнева. Чем он очень гордился. Письма тестя были об одном и том же. Он угрожал инстанциям, что две больших ни в чем не повинные семьи рано или поздно погибнут под обломками пришедшего в негодность рухнувшего домика.

Ответы тоже были одинаковыми. В них сообщалось, что меры обязательно будут приняты и письмо тестя отправлено в отвечающую за принятие мер нижестоящую инстанцию, то есть туда, где было принято решение заколдовать дом. В эту же папку тесть положил отказное заявление Вилен. «Пригодится», – сказал тесть.

То ли могучая изобразительная сила жалоб, то ли частота их падений на руководящие городские инстанции, а может, и разбуженная райкомом партийная совесть у жилищных начальников растопили руководящие сердца, и примерно через год в один ничем не отличающийся от других выходной день к Плохишкиным за город приехал брат жены тестя и сын бабы Дуни дядя Витя и привез письмо с важными государственными печатями.

И день сразу стал необычным, потому что в письме лежала «смотровая» на четырехкомнатную квартиру для поселения в ней двух семей в составе восьми человек.

– Я надеюсь, мы вместе жить не будем? – сказал дядя Витя.

– Лучше удавиться, – сказал тесть.

– А моя мама Дуня? – спросил дядя Витя.

– Иди спроси, – сказал тесть.

Дядя Витя пошел за шкаф.

Вскоре из-за шкафа на инвалидной коляске выкатилась баба Дуня и сказала, что она остается с Плохишкиными.

– А твою заразу жену видеть не хочу, – добавила она.

Через день тесть достал заветную папку, взял отгул и поехал туда, откуда пришла смотровая. Там его приняли и неожиданно с барского государственного плеча отвалили семье Плохишкиных и учтенному благодаря отказному заявлению Вилену, мужу дочки Тони, четырехкомнатную отдельную квартиру на первом этаже в последнем доме большого красивого города.

За домом росли кусты и пели соловьи, за кустами проходила узкоколейка, а за узкоколейкой начинались совхозные поля соседнего с городом областного района.

Так Виля Хорошокин с помощью женитьбы на Тоне Плохишкиной и опыта ее папы получил свои первые квадратные метры и прописку в большом и очень красивом городе.

С момента получения квартиры в ней началось собирание растущей семьи Плохишкиных и их многочисленной родни.

Баба Дуня, из-за которой тесть взял квартиру на первом этаже, до переезда не дожила.

Жаль, тесть так любил рассказывать, как все семейство Плохишкиных, и Вилен в их числе, будет по очереди, вывозить бабу Дуню на прогулку и как удобно это будет делать с первого этажа. Тесть вообще рассказывал много привлекательного о счастливой дружной жизни большого семейства Плохишкиных и Вилен в их числе.

– Это очень удобно, – говорил тесть.

– Надо тебе новые ботинки, на деньги – иди покупай, нужен мне новый костюм – иди в магазин выбирай. Родится у вас ребенок – тут же мы всей семьей коляску справим. Кстати, насчет ребенка. Скоро распределение. Зашлют Тоньку на севера, что делать будешь?

– Не знаю, – сказал Виля.

– А ты ребеночка заделай, с пузом ее никуда не сошлют, здесь оставят.

– Твой папа сказал, что нам пора делать ребеночка, – сказал вечером Вилен Тоне, – а то у тебя институт такой, запросто на севера сошлют.

– Раз папа сказал, давай делать, – согласилась Тоня.

Аккурат к распределению Тоня ходила с пузом, и ее не выкинули на север, а оставили трудиться в большом красивом городе.

В институте Вилен всех имеющих городскую прописку разбирали предприятия большого красивого города. Вилен тоже взяли на одно из них. Но до распределения нужно было еще не вылететь из института и защитить диплом.

Глава 1.6. Чтобы купить три квартиры в большом и красивом городе, Вилен Хорошокин хорошо учится в институте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.